

УДК 111.8

Статус предельно общих понятий в объективном идеализме

Красиков Владимир Иванович

Доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедры философии
и социально-экономических дисциплин
Российской правовой академии Минюста России,
117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1;
e-mail: KrasVladIv@gmail.com

Аннотация

Цель статьи состоит в попытке рассмотреть некоторые основные позиции в толковании предельно общих понятий онтологического формата в идеалистической традиции объективистского направления. Автор рассматривает историю формирования данных понятий в дуалистическом реализме (Парменид, Платон, неоплатоники, ряд представителей патристики, Августин, Ансельм Кентерберийский, Джордж Сантаяна, Николай Гартман, Альфред Уайтхед) и монистическом реализме (Гегель и его последователи).

Для цитирования в научных исследованиях

Красиков В.И. Статус предельно общих понятий в объективном идеализме // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2014. – № 4. – С. 9-18.

Ключевые слова

Идеализм, философский реализм, онтология, история философии, метафизические начала, дуалистический реализм, монистический реализм, радикальный идеализм.

Введение

«Любое исходное положение правильно – и у пиррников, и у стоиков, и у атеистов и т. д. Но выводы у всех ошибочны, потому что противоположное исходное положение тоже правильно» [Паскаль, 1994, 360]. Это высказывание Блеза Паскаля только на первый взгляд кажется парадоксальным, между тем он довольно точно охарактеризовал положение дел в философии. Правильны исходные положения потому, что сами философы, как явным образом, но более всего безотчетно, так представляют некоторые общие понятия, что они выглядят как описание некоего скрытого, но действительно существующего подлинного мира. Как это происходит? Для этого нам надобно обратится к анализу практики создания и использования этих понятий.

В истории философии предельно общие понятия – онтологического формата – разрабатывались, особенно пристально и тщательно, идеалистическими философами. У них они выступали под разными именами: «трансценденталий» средневековых схоластов [Ильичев, 1983, 693], «трансцендентальных идей» Канта [Кант, 1994, 233], «первичных понятий» Гуссерля [Гуссерль, 1994, 344], «предельных понятий» Дж. Ройса, «родовых понятий» Гартмана, «философских идей высшей общности» Уайтхеда [Уайтхед, 1990, 390-391] и т. п.

Причем во всех этих случаях имелись в виду не просто общие понятия или категории, а, во-первых, наиболее общие значения, представляющие в ключевых терминах *высшие определения бытия*; во-вторых, *метафизические начала, безусловные предпосылки*, на которых явно или неявно основываются рассуждения того или иного философа; в-третьих, *регулятивные принципы, концептуальные тезисы, высшие конденсации смысла*, которые организуют философское учение.

Задача предлагаемой вниманию читателя статьи состоит в попытке рассмотреть некоторые основные позиции в толковании предельно общих понятий онтологического формата в идеалистической традиции объективистского направления. Причем наша цель состоит не столько в экспликации наиболее интересных онтологических схем, связанных с особым толкованием подоб-

ных понятий тем или иным значительным философом, сколько в уяснении их специфического смысла.

Наше внимание будет обращено прежде всего на философов, которые полагали предельно общие понятия формами объективного бытия, т. е. независимыми от субъективного человеческого произвола. Субъективистская позиция довольно незатейлива, объявляя подобные понятия досужим изобретением или же итогом причудливой игры коммуникации. Отношение же философов, тяготеющих к объективному идеализму, – серьезное и рефлексивно-изошренное, что и дает нам благодатный материал для анализа.

Реализм

Долгое время в фокусе философских интересов находилась проблема онтологического статуса предельно общих понятий, которая была известна как проблема универсалий. В сжатом виде она была сформулирована неоплатоником Порфирием в его «Введении» к аристотелевским «Категориям»: «Существуют ли роды и виды самостоятельно, и в таком случае телесны они или бестелесны, или же они существуют только в мышлении, и в таком случае обособлены они или находятся в чувственных явлениях» [Ильичов, 1983, 702].

Первая интерпретация оказалась весьма устойчивой, наверное, потому, что реалистские толкования всеобщего выражают, по всей видимости, стремление человека к онтологической легитимации содержания своего мышления. Вряд ли является случайным, что процессы появления философской рефлексии и возникновения объективно-идеалистических учений (элеаты, Платон) представляли собой практически синхронный процесс.

Суть реализма в интерпретации существования универсалий четко выразил Фома Аквинский: а) общее содержится в вещах, составляя их сущность – непосредственные универсалии; б) общее извлекается умом – мысленные универсалии; в) общее существует до или *вне* вещей как причина и цель мира – абсолютные универсалии [Соколов, 1979, 358].

Всем реалистским толкованиям присущи эти содержательные моменты, правда, в разной степени. Рассмотрим радикальный идеалистический реализм.

Радикальность его является следствием акцентирования роли абсолютных универсалий в конституировании и существовании мира. Причем в истории философии мы можем встретить две его версии.

Дуалистический реализм

Представители одной из них (Парменид, Платон, неоплатоники, ряд представителей патристики, Августин, Ансельм Кентерберийский, Джордж Сантаяна, Николай Гартман и др.) считали, что всеобщее существует скорее *наряду* с явлениями материального мира в своей объективно-идеальной, «чистой» форме либо вообще локализовано в отдельный мир.

Исторически первый вариант подобного радикального идеалистического реализма мы можем найти у Платона. Его «идеи» – это синоним общих значений: математических, нравственных, естественных и искусственных явлений, четырех элементов и видов живых существ, действий и аффектов [Чанышев, 1981, 251]. Эти общие значения иерархично подчинены наиболее важным (а не наиболее общим) в определении сущего – предельным общим понятиям «единого», «многого», «подобия», «справедливого», «прекрасного», которые, в свою очередь, коррелированы с главной идеей – идеей «блага».

Подобным образом организованные предельно общие понятия у Платона свидетельствуют об неких этических умолчаниях в его онтологических построениях. Эти понятия проективны – выражая не реалии наличного социоприродного мира, а мира *желаемого*, соответственно, они не столько объясняют сущее, сколько предписывают нормы поведения в этически представляемом мире.

Подобный мир может существовать только в особом, отличном от телесного, умопостигаемом пространстве, которое обладает качеством «законсервированности», или, выражаясь более высоким стилем – вечности. Это «нечто, во-первых, вечное, т. е. не знающее ни рождения, ни гибели, ни роста, ни оскудения, а во-вторых, не в чем-то прекрасное, а в чем-то безобразное... а само по себе; все же другие разновидности прекрасного причастны к нему таким образом, что они возникают и гибнут, а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает» [цит. по: Богомолов, 1985, 173].

Примерно так же трактовал всеобщее спустя почти 2,5 тысячи лет Джордж Сантаяна, создав учение о «царстве сущностей» – форм. Если Платон для иллюстрации взаимоотношений двух миров использовал образ яркого солнечного дня и темной пещеры, на стену которой через небольшое отверстие падают солнечные лучи, создавая светотени, то Сантаяна уподобляет «царство сущностей» костюмерной лавке, полной костюмов, рядами висящих на манекенах. Ребенок, привыкший видеть костюмы только на людях, счел бы сами костюмы без людей метафизически невозможными абстракциями, так же как в повседневности воспринимают люди представление о мире идей. Но «платья без тел не менее неуместны, чем тела без платьев» [цит. по: Богомолов, 1977, 396]. Подобным же образом, по мнению Сантаяны, могут существовать отдельно друг от друга материя и дух. Несмотря на этот несколько приземленный образ, «царство сущностей», как и «царство духа» вкупе с «божественным разумом», прекрасны, благи и истинны – в противоположность «плоти, миру и дьяволу».

Область пребывания предельно общих понятий – вне человека и известного нам мира, соответственно, они – главные ценности, приобщение к которым только и дает человеку мужество жить в неподлинном мире. В традиционном смысле, чувственно и рационально, они непознаваемы. Приобщиться к ним возможно лишь путем внутреннего усмотрения: действительной интуиции (Сантаяна), припоминания как восхождения к общему через нахождение забытого в душе знания (Платон). Гегель интерпретировал платоновский анамнезис как обнаружение в себе умопостигаемого мира, существующего отдельно, но и рядом. Это «...познание всеобщего ... как воспоминание, уходение в себя; то, что сначала являет нам себя внешним образом и определено как некое многообразие, мы в дальнейшем делаем чем-то внутренним, неким всеобщим благодаря тому, что мы углубляемся в самих себя и таким образом сознаем то, что находится внутри нас» [Гегель, 1994, 142].

Интересно, что, судя по приведенным характеристикам, предельно общие понятия здесь постигаются в рефлексии как *переживания идеалов* – образцов мыслимого лучшего мироустройства (благо, гармония), выражающие, надо думать, стремление человеческой природы к максимизации своей «человечности», предстающей в виде онтологизированной духовности.

В другом варианте дуалистического идеалистического реализма, представленного учениями Николая Гартмана и Альфреда Уайтхеда, предельно общие понятия – «категории» Гартмана, «окончательные всеобщности», «вечные объекты» Уайтхеда – хотя также существуют *наряду с вещами в своей аутентичной форме*, но также и непосредственно *присутствуют* в мир вещей. Это трансцендентные сущности, «вечные объекты» сами по себе, которые могут постигаться умом без обращения к чувствам. Гартман добавляет сюда «сущности» (формы материальных объектов), «ценности», а также математические и логические объекты.

Однако, в отличие от платоновского видения, здесь всеобщности имеют более непосредственную связь с вещами – это скорее пересекающиеся сферы, слои (Гартман) одного бытия, нежели разные миры. Так, метафизический статус «вечных объектов» у Уайтхеда состоит в том, что они представляют собой возможности для действительности [Уайтхед, 1990, 220]. Во «вселенной Гартмана» категории образуют собой структуры «слоев» бытия. И категории и вечные объекты – это конститутивные принципы самого сущего, но одновременно они и «окончательные всеобщности», родовые понятия, применимые ко всем фактам. Уайтхед отмечает особо то обстоятельство, что предельность лежит в основании абстракции: «Быть абстрактным – значит выходить за пределы особенных, конкретных происшествий действительности» [там же].

Радикальный идеализм, таким образом, специфически интерпретирует природу предельно общих понятий. В отличие от современного субъективизма, для которого они есть не что иное как конструируемые умозрительные модели сущего, в радикальном объективном идеализме – это независимые первоначала: подлинно сущего и нашего в него проникновения. И здесь Уайтхеду есть что сказать. Сама всеобщность, как полагает он, лежит у истоков индивидуального, партикулярного опыта. Она очевидна, но присутствует как бы на краю сознания, часто являясь в виде наивных всеобщих интуиции в мифе, литературе и житейской мудрости.

Всеобщности же в философских учениях принципиально неопределимы, ибо зависят от творческой инициативы субъекта. «Каждое из них может быть представлено как необходимо принадлежащее по своему смыслу к группе эквивалентных ему понятий. При рассмотрении подобной группы любой из

ее членов после небольшой коррекции языка может быть избран центральной фигурой» [там же, 337].

На пути формулирования метафизических первоначал лежат трудности: слабость интуиции и недостатки языка. Дело в том, что слова и фразы должны «растягиваться» до такой всеобщности, которая чужда обыденному употреблению; и как бы ни стабилизировалось специальное значение подобных элементов языка, они остаются метафорами, безмолвно требующими от нас взлета воображения.

Именно игра свободного воображения, контролируемая требованиями связности и логичности, и определяет содержание предельно общих понятий в философии. Сами же абстракции, из которых творческий ум формирует метафизические первоначала и принципы, образованы исходным методом философского постижения реальности – описательной генерализации. Совпадение мысленных и абсолютных универсалий происходит в категориях-первоначалах, которые есть уже результат генерализации среди философских абстракций – при помощи творческой схематизации обобщений.

В итоге получается, что «метафизические категории не суть догматические утверждения очевидного; они являются гипотетическими формулировками исходных всеобщностей» [там же, 280].

Монистичный реализм

Другая версия радикального реализма – монистичная, представлена в философии Гегеля и его последователей. Реальность Гегеля – это мировая идеальная субстанция, имеющая субъектные принципы существования: деятельность, развитие и духовность (системность). По существу, это демонстрация мышления – деятельного, творческого, полного в его становлении, которое объявляется содержанием мирового процесса. И вот в этом круге мирового процесса есть узловые точки – категории.

Категории, хотя и являются «каркасом» бытия, отнюдь не тождественны друг другу, отличаясь друг от друга объемом. Гегель предложил новое понимание предельно общих понятий. Это не абстракции, а функция мышления не состоит в

процессе абстрагирования. Процесс абстрагирования, описываемый в формальной логике как отвлечение, не может дать содержательное описание реальности, так как подчиняется закону обратного отношения объема и содержания.

Предельно общие понятия создаются творческим конструирующим мышлением – мировым духом и духом индивидуальным. Их содержание не представимо лишь в виде каких-то отдельных определений (дефиниций), а только через демонстрацию интеллектуальных операций по всестороннему определению того, что описывается. Предельно общим понятиям только в целях удобства восприятия читателями придают вид предпосылок, безусловностей, содержание которых затем демонстрируется. В действительности же они представляют собой также и цель учения – как высшие конденсации пройденного мыслью пути, в которых (а реально в памяти читателя) удерживались бы все ранее достигнутые смыслы (определения).

Библиография

1. Богомолов А. С. Античная философия. – М.: МГУ, 1985. – 367 с.
2. Богомолов А.С. (ред.) Буржуазная философия кануна и начала империализма. – М.: Высшая школа, 1977. – 424 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии: В 3 кн. Кн. 2. – СПб: Наука, 1994. – 423 с.
4. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск: Сагуна, 1994. – 357 с.
5. Ильичев Л.Ф. (ред.) Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
7. Паскаль Б. Мысли. – М.: РЕФА-БОК, 1994. – 528 с.
8. Соколов В.В. Средневековая философия. – М.: Высшая школа, 1979. – 488 с.
9. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – 720 с.
10. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. – М.: Высшая школа, 1981. – 377 с.

Status of extremely general concepts in the objective idealism

Vladimir I. Krasikov

Full doctor of philosophy,
professor, head of the department of philosophy
and socio-economic disciplines,
Russian Law Academy of the Russian Federation Ministry of Justice,
117638, 2/1 Azovskaya str., Moscow, Russia;
e-mail: KrasVladIv@gmail.com

Abstract

The purpose of this paper is connected with the attempt to analyze some of main positions in the interpretation of extremely general ontological concepts in idealist tradition of objectivistic direction. These concepts are the most common values representing the key terms in the definition of the higher being; metaphysical principles, unconditional assumptions on which explicitly or implicitly philosopher's reasoning is based; regulatory principles, conceptual theses, higher condensation of meaning that organize philosophical doctrine. The author examines the history of formation of general ontological notions in idealist philosophy, particularly in the dualistic realism (Parmenides, Plato, the Neoplatonists, a number of representatives of patristic, Augustine, Anselm of Canterbury, George Santayana, Nicolai Hartmann, Alfred Whitehead) and monistic realism (Hegel and his followers). The author concludes that the radical idealism, unlike modern subjectivism, sees extremely general ontological concepts as the independent principles of real existence and our penetration into it.

For citation

Krasikov, V.I. (2014) Status predel'no obshchikh ponyatii v ob"ektivnom idealizme [Status of extremely general concepts in the objective idealism]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 4, pp. 9-18 (In Russian).

Keywords

Idealism, philosophical realism, ontology, history of philosophy, metaphysical principles, dualistic realism, monistic realism, radical idealism.

References

1. Bogomolov, A.S. (1985) *Antichnaya filosofiya* [*Ancient philosophy*]. Moscow: MGU.
2. Bogomolov, A.S. (red.) (1977) *Burzhuaznaya filosofiya kanuna i nachala imperializma* [*The bourgeois philosophy of threshold and beginning of imperialism*]. Moscow: Vysshaya shkola, 1977.
3. Chanyshv, A.N. (1981) *Kurs leksii po drevnei filosofii* [*Lectures on ancient philosophy*]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Hegel, G.W.F. (1994) *Leksii po istorii filosofii* [*Lectures on of history of philosophy*]. Vol. 2. Saint Petersburg: Nauka.
5. Husserl, E. (1994) *Filosofiya kak strogaya nauka* [*Philosophy as a rigorous science*]. Novocherkassk: Saguna.
6. Il'ichev, L.F. (ed.) (1983) *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [*Philosophical encyclopedic dictionary*]. Moscow: Sov. entsiklopediya.
7. Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [*Critique of pure reason*]. – Moscow: Mysl'.
8. Pascal, B. (1994) *Mysli* [*Thoughts*]. Moscow: REFA-BOK.
9. Sokolov, V.V. (1979) *Srednevekovaya filosofiya* [*Medieval philosophy*]. Moscow: Vysshaya shkola, 1979. – 488 s.
10. Whitehead, A.N. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [*Selected works on philosophy*]. Moscow: Progress.